

References

1. Naumov Ya.V. Novye modeli i podhody k reformirovaniyu uslovij zaklyucheniya braka v Rossii (New models and approaches to reforming the conditions of marriage in Russia), *Kul'tura. Nauka. Integraciya*, 2016, No. 2 (34).
2. Kommentarij k Semejnemu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) (Comment to the Family Code of the Russian Federation (itemized), *otv. red. O.N. Nizamieva*. Moscow, 2010.
3. Semejnoe pravo (Family law), *учебник dlya akademicheskogo bakalavriata*, E.A. Chefranova [i dr.], *pod red. E. A. Chefranovoj*, 5-e izd., *per. i dop.* Moscow, Izdatel'stvo Yurajt, 2018.
4. Vasilenko A.A., Loshkarev A.V. Vozrast dlya vstupleniya v brak. Rannie braki (Age for marriage. Early Marriages), *ACADEMY*, 2016, No. 11 (14).

Дата поступления: 01.10.2018

Received: 01.10.2018

УДК 347.45/47

СТРАХОВАНИЕ РИСКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ДОГОВОРА

РОМАНОВА Ирина Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Филиала Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Рязани, г. Рязань, Россия. E-mail: universitet62@yandex.ru

Сегодня исследование специфики и основных проблемных аспектов страхования вероятного риска наступления ответственности за нарушение договорных условий имеет особую актуальность. На основе анализа действующего законодательства и научных точек зрения автором формулируется вывод, что риск ответственности за нарушение договора считается застрахованным в пользу выгодоприобретателя, даже если договор страхования заключен в пользу другого лица либо в нем не сказано, в чью пользу он заключен. В рассматриваемой ситуации страховым случаем является факт неисполнения или ненадлежащего исполнения договора, повлекший расходы страхователя, необходимые и достаточные для восстановления нарушенных прав третьих лиц.

Ключевые слова: договор страхования, договорная ответственность, нарушение договора, наступление ущерба, страхование риска ответственности, страховой случай.

INSURANCE OF THE RISK OF LIABILITY FOR THE BREACH OF THE CONTRACT

ROMANOVA Irina Nikolaevna

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Ryazan Branch of the Moscow University named after S.Yu. Vitte, Ryazan, Russia. E-mail: universitet62@yandex.ru

Today, the research of the specifics and the main problematic aspects of insurance of the probable risk of liability for the breach of contract terms is of particular relevance. Based on the analysis of the legislation in effect and scientific points of view, the author concludes that the risk of liability for the breach of the contract is considered insured in favor of the beneficiary, even if the insurance contract is made in favor of another person, or it not said in whose favor it has been made. It is proved that in the situation under consideration, the insured event is the fact of non-performance or improper performance of the contract, which caused the expenses of the insurer, necessary and sufficient to restore the violated rights of third parties.

Key words: insurance contract, contractual liability, breach of contract, loss, liability insurance, insurance case.

Несовершенство действующего законодательства не позволяет реализовать потенциал, заложенный в страховании ответственности по договору. Вопросы вызывает даже используемое законодателем понятие «нарушение договора» для характеристики страхового случая, поскольку его системное толкование в контексте других норм ГК РФ может непосредственно отразиться на возможности применения данного средства защиты интересов субъектов предпринимательства. Еще П.И. Пыловым было высказано мнение о том, что при толковании положений ст. 932 ГК РФ «страхование риска ответственности за нарушение договора следует понимать дословно», следовательно, «если иное не предусмотрено законом, то не допускается страхование ответственности за нарушение договорных обязательств, которое покрывает меры ответственности, предусмотренные главой 23 ГК РФ... Указанное не стоит смешивать с очень на первый взгляд схожим страхованием – страхованием риска неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязательств» [1]. Данная точка зрения была подвергнута критике со ссылкой на устоявшуюся в российской цивилистике трактовку нарушения договора как любого его неисполнения или ненадлежащего исполнения [2], обусловленной, в том числе невозможностью их разграничения с абсолютной последовательностью [3].

При этом не было учтено, что действующий ГК РФ в ряде случаев различает правовые последствия неисполнения и ненадлежащего исполнения, что может иметь значение для страхования риска возникающей в подобных случаях ответственности. В частности, ст. 396 ГК РФ предусматривает разные последствия для ненадлежащего исполнения обязательства в натуре, для его неисполнения или просрочки исполнения, но некоторые страховые компании не распространяют страховое покрытие на отказ грузополучателя от груза, который, согласно п. 3 ст. 396 ГК РФ может последовать в случае утраты кредитором интереса к исполнению. Кроме того, нельзя не обратить внимание на новую редакцию ч. 3 ст. 17.6 Закона об основах туристской деятельности, из которой были исключены нормы о страховании ответственности за причинение реального ущерба в случае ненадлежащего исполнения обязательств туроператором, что в совокупности с привязкой к факту прекращения его деятельности влечет за собой серьезные правовые последствия: незащищенность туристов в случае нарушения их прав и законных интересов в текущей деятельности туристической компании. При том, что и добровольное страхование такой ответственности законом в настоящее время не допускается. Как представляется, во избежание разногласий следует обеспечить соответствие ст. 932 ГК РФ нормам ГК РФ, регламентирующим как последствия неисполнения, так и ненадлежащего исполнения договора.

Вместе с тем, не имеет под собой достаточных оснований рассмотрение нарушения договора с позиций деликтной ответственности, предполагающей выделение таких элементов состава правонарушения, как субъект, объект, субъективная и объективная сторона, учитывая тенденцию переосмысления сущности договорной ответственности, которая видится не в возмещении причиненного ущерба, а в предоставлении эквивалента исполнения [4], в том числе посредством страхования. Их необходимо рассматривать отдельно от понятия нарушения договора, для констатации которого достаточно установления факта противоречия поведения должника его условиям, что применительно страхованию означает определение обстоятельств, не признаваемых страховыми случаями. Так, страховое покрытие традиционно не распространяется на ущерб, возникший вследствие умысла страхователя, военных действий, забастовок, воздействия ядерного взрыва, действия непреодолимой силы или стихийного бедствия. Некоторые компании к этому добавляют эксплуатацию технически неисправных транспортных средств и оборудования.

Законодательным пробелом следует признать существующую неопределенность в вопросе определения объема страхуемой ответственности. Прежде всего, в литературе дискутируется возможность распространения страхового покрытия на неустойку, учитывая ее двойственную правовую природу как меры ответственности и способа обеспечения обязательства. Как правило, препятствий для этого специалисты не видят, хотя и отмечают, что страхование

неустойки не может не быть ограниченным из-за неготовности многих российских страховщиков и перестраховщиков предоставлять страховое и перестраховочное покрытие в этой части, а также невозможности размещения таких рисков за рубежом [5]. Впрочем, правилами страхования некоторых компаний уточняется, что под убытками (расходами) страхователя понимаются те расходы, которые он несет в связи с необходимостью полного восстановления нарушенного права третьих лиц, что подразумевает и покрытие неустойки.

А.А. Ножкина обращает внимание и на проблему страхования ответственности за невозврат аванса по договору при его расторжении. По ее мнению, страховое покрытие на эти случаи распространяться не должно, учитывая, что неосновательное удержание аванса должником следует квалифицировать как неосновательное обогащение (ст. 1102 ГК), что делает невозможным рассмотрение его как договорной ответственности. Следует заметить, что Президиум ВАС РФ в свое время пришел к другому выводу, отметив, что вывод нижестоящих судов о том, что застрахованной является только собственно ответственность за неисполнение контракта, не соответствует условиям договора страхования, которым предусмотрено, что объектом страхования являются не противоречащие законодательству имущественные интересы общества, связанные с его обязанностью в порядке, установленном гражданским законодательством, возместить убытки, причиненные выгодоприобретателю нарушением (неисполнением или ненадлежащим исполнением) обязательств по контракту. По его мнению, размер страхового возмещения определяется не только исходя из размера понесенных выгодоприобретателем убытков, но и расходов, в частности, связанных с невозвратом (частичным невозвратом) авансированных страхователю в соответствии с контрактом средств. Другое толкование договора привело бы к констатации бессмысленности страхования в качестве предоставленного обеспечения исполнения контракта и возможности уклонения от выплаты страхового возмещения [6]. Позиция ВАС РФ представляется более обоснованной, учитывая, что расторжение договора лишь прекращает обязательства на будущее, не отменяя факт его заключения и не лишая стороны права требовать защиты нарушенных данным обстоятельством интересов.

Проблемой для правоприменителя иногда является и определение страхового случая, прежде всего, тогда, когда он достаточно отчетливо законодателем не сформулирован, хотя, как отмечает С.В. Дедиков, законодательное регулирование в этой части тоже далеко от идеала [7]. В тех случаях, когда законодатель не ограничивается простым упоминанием возможности страхования риска ответственности по договору, он преимущественно опирается на концепцию страхования факта установления ответственности, который увязывается с вступлением в законную силу решения арбитражного суда или признанием страховщиком факт причинения ущерба (ст. 24.7 Закона об оценочной деятельности), что скорее характерно для деликтной ответственности. При страховании ответственности по договору правильнее было бы устанавливать факт наступления страхового случая посредством признания его самим страхователем, а при отказе в этом – решением суда. Проблемы возникают и в ситуации, когда характеристика страхового случая дается в правилах страхования, что может создавать предпосылки для злоупотреблений, в том числе последующего произвольного толкования событий как охватываемого либо не охватываемого страхованием.

Перечень страховых случаев законодателем, как правило, не устанавливается. Исключение составляет Закон об основах туристской деятельности, последняя редакция которого ограничила практику страхового покрытия ущерба, причиненного неисполнением туроператором своих обязательств по договору о реализации туристского продукта случаями прекращения деятельности туроператором (ч. 3 ст. 17.6).

Обоснованную критику вызывает отсутствие универсального законодательного решения проблемы отсроченного наступления ущерба, который, во-первых, может не сразу проявиться (например, при оценочной, аудиторской деятельности), оказавшись за пределами срока действия договора страхования, во-вторых, может требовать подтверждения решением

арбитражного суда, вступившим в законную силу (ч. 2 ст. 24.7 Закона об оценочной деятельности). Эту проблему предлагается решить с помощью включения трехлетнего расширенного периода, в течение которого выгодоприобретатель исходя из общего срока исковой давности может предъявить претензии по качеству оказанных ему услуг в общий срок действия договора страхования [7]. Пример его реализации можно найти в действующем законодательстве. Так, в Основах законодательства о нотариате закреплено положение о том, что договор страхования гражданской ответственности нотариуса заключается на срок не менее чем один год с условием возмещения имущественного вреда, причиненного в период действия данного договора, в течение срока исковой давности, установленного российским законодательством для договоров имущественного страхования. Кроме того, оговаривается, что договор может предусматривать более продолжительные сроки и иные не противоречащие закону условия возмещения такого вреда (абз. 4 ст. 18). Как представляется, подобные положения должны носить более универсальный характер.

В судебной практике вопрос о действительности исследуемого договора решается по-разному. При этом сложно говорить о некой эволюции взглядов на данную проблему, поскольку суды нередко демонстрируют диаметрально противоположные позиции. В одном случае, суд признал ошибочным довод ответчика о недействительности заключенного договора в силу несоответствия его требованиям ст. 932 ГК РФ, указав на то, что в силу ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений, которое в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Из буквального толкования положений спорного договора, признававшим страховым случаем возникновение обязанности у страхователя, осуществляющего деятельность в качестве экспедитора, возместить реальный ущерб, нанесенный перевозимому грузу в силу причин внезапного, непредвиденного и непреднамеренного характера и подтвержденных фактом предъявления страхователю обоснованных имущественных претензий (исков) со стороны лиц, имеющих имущественный интерес в перевозимом грузе, следовало, что объектом страхования по спорному договору является не риск ответственности за нарушение договора, а риск ответственности за убытки, причиненные третьим лицам в процессе осуществления деятельности страхователя в качестве перевозчика при организации перевозок [8].

Впрочем, пространство для подобного маневра реально существует, как правило, только при использовании в наименовании договора общей формулировки «страхования гражданской ответственности». Так, оценивая договор страхования общегражданской ответственности, предусматривавшем в качестве страхового случая причинение убытков в результате инцидента, аварийного и иное события, повлекших убытки третьих лиц, арбитражный суд пришел к выводу о том, что он является договором страхования ответственности за причинение вреда согласно ст. 931 ГК РФ. В силу этого возражения ответчика относительно того, что произошедшая авария не является страховым случаем по смыслу договора страхования при наличии между истцом и собственниками помещений договора на содержание и обслуживание жилого фонда, ненадлежащим образом исполненного истцом, были судом отклонены, поскольку подобное толкование договора страхования противоречит цели договора и волеизъявлению сторон, направленным на страхование рисков при причинении вреда, причиненного имуществу третьих лиц, что имело место по настоящему спору [9].

Впрочем, в другом деле, суд, установив, что заключенный сторонами договор по своей правовой природе является договором страхования риска ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств перевозчика по договору перевозки констатировал его ничтожность в силу ст. 168 ГК РФ и п. 1 ст. 932 ГК РФ, поскольку страхование ответственности по договору перевозки законом не предусмотрено [10]. Аналогичную позицию занял Арбитражный суд Уральского округа, который пришел к выводу, что исходя из положений ст. 929, 932 ГК РФ, ст. 6,7 Закона № 87-ФЗ, договор добровольного страхования, признавший страховым риском

ответственность экспедитора перед владельцем груза (клиентом, грузоотправителем) за его утрату, гибель и /или повреждение (кроме утраты груза в результате противоправных действий третьих лиц (кражи, грабежа, разбоя) на территории СНГ), по своей правовой природе относится к договорам страхования ответственности по договору. Было обращено внимание на то, что действующим законодательством возможность страхования договорной ответственности экспедиторов, осуществляющих деятельность по организации перевозок грузов автомобильным транспортом, не предусмотрена, а имущественный интерес в сохранении груза мог быть застрахован экспедитором путем заключения договора страхования груза, принятого к перевозке, но доказательства наличия соответствующих правоотношений, вытекающих из договора страхования, отсутствуют [11].

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим выводам.

Риск ответственности за нарушение договора считается застрахованным в пользу стороны, перед которой по условиям этого договора страхователь должен нести соответствующую ответственность, – выгодоприобретателя, даже если договор страхования заключен в пользу другого лица либо в нем не сказано, в чью пользу он заключен.

Страховым случаем при страховании гражданской ответственности по договору является установленный вступившим в законную силу решением суда или признанный страхователем факт неисполнения или ненадлежащего исполнения договора, повлекший расходы страхователя, необходимые и достаточные для восстановления нарушенных прав третьих лиц.

Библиографические ссылки

1. Пылов К.И. Почему страхование риска ответственности за нарушение договора возможно только в случаях, предусмотренных законом? // *Нормативное регулирование страховой деятельности. Документы и комментарии.* 2007. № 1. С. 59-60.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. *Договорное право. Кн. 1: Общие положения.* М., 1998.
3. *Советское гражданское право. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова.* М. : Высшая школа, 1985.
4. Синявская М.С. *Нарушение договорного обязательства и его правовые последствия: основные тенденции в свете сравнительно-правового анализа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* М., 2007.
5. Дедиков С.В. *Основные проблемы страхования ответственности по договору // Цивилист.* 2010. № 2. С. 58-64.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 20.11.2012 N 7884/12 по делу N А51-8184/2010 // *Вестник ВАС РФ.* 2013. № 3.
7. Лебединов А.П. *Соотношение страхования ответственности договорной и за причинение вреда // Юридическая и правовая работа в страховании.* 2008. № 2. С. 47-55.
8. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 октября 2014 г. по делу № А32-5572/2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/2x1eO18afBYX/>.
9. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан (АС Республики Татарстан) от 19 ноября 2014 г. по делу № А65-22340/2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/PPi5iJpKPDog/>.
10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа (ФАС СЗО) от 9 сентября 2011 г. по делу № А56-20729/2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41060042/>.
11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 ноября 2016 г. по делу № А07-24931/2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/S5Zy3HLZwBYa/>.

References

1. Pylov K.I. Pochemu strakhovaniye riska otvetstvennosti za narusheniye dogovora vozmozhno tol'ko v sluchayakh, predusmotrennykh zakonom? (Why is liability insurance for the breach of contract possible only in cases stipulated by law?), *Normativnoye regulirovaniye strakhovoy deyatelnosti. Dokumenty i kommentarii*, 2007, No. 1, pp. 59-60.
2. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. Dogovornoye pravo (Contract law). Kn. 1: Obshchiye polozheniya. Moscow, 1998.
3. Sovetskoye grazhdanskoye pravo (Soviet civil law). T. 1, pod red. O.A. Krasavchikova. Moscow, Vysshaya shkola, 1985.
4. Sinyavskaya M.S. Narusheniye dogovornogo obyazatel'stva i yego pravovyye posledstviya: osnovnyye tendentsii v svete sravnitel'no-pravovogo analiza (Breach of contractual obligation and its legal consequences: the main trends in the light of the comparative legal analysis), avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2007.
5. Dedikov S.V. Osnovnyye problemy strakhovaniya otvetstvennosti po dogovoru (The main problems of liability insurance under the contract), *Tsivilist*, 2010, No. 2, pp. 58-64.
6. Postanovleniye Prezidiuma VAS RF ot 20.11.2012 N 7884/12 po delu N A51-8184/2010 (Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of November 20, 2012 No. 7884/12 in case No. A51-8184 / 2010), *Vestnik VAS RF*, 2013, No. 3.
7. Lebedinov A.P. Sootnosheniye strakhovaniya otvetstvennosti dogovornoy i za prichineniye vreda (The ratio of liability insurance contractual and for causing harm), *Yuridicheskaya i pravovaya rabota v strakhovanii*, 2008, No. 2, pp. 47-55.
8. Postanovleniye Pyatnadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 6 oktyabrya 2014 g. po delu № A32-5572/2014 (Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal of October 6, 2014 in case No. A32-5572 / 2014). URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/2x1eO18afBYX/>.
9. Resheniye Arbitrazhnogo suda Respubliki Tatarstan (AS Respubliki Tatarstan) ot 19 noyabrya 2014 g. po delu № A65-22340/2014 (The decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan (AC of the Republic of Tatarstan) of November 19, 2014 in case No. A65-22340 / 2014). URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/PPi5iJpKPDog/>.
10. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga (FAS SZO) ot 9 sentyabrya 2011 g. po delu № A56-20729/2007 (Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District (FAC NWD) of September 9, 2011 in case No. A56-20729/2007). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41060042/>.
11. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 24 noyabrya 2016 g. po delu № A07-24931/2015 (Resolution of the Arbitration Court of the Ural District on November 24, 2016 in case No. A07-24931/2015). URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/S5Zy3HLZwBYa/>.

Дата поступления: 02.11.2018

Received: 02.11.2018